

В. Е. ЗЛОБИНА

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПЕРЕХОДА СЛОВ ИЗ ОДНОЙ ЧАСТИ РЕЧИ В ДРУГУЮ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В обогащении словарного состава различных языков немалое место занимает переход слов из одной части речи в другую. Обычно принято считать, что переход вызывается синтаксическими причинами. Так, адъективацию причастий объясняют тем, что причастие в определенной синтаксической конструкции утрачивает глагольные признаки, приобретает чисто качественное значение и грамматические признаки имени прилагательного; например, финские прилагательные *riippuva* 'зависимый', *sopiva* 'подходящий', *taitava* 'искусный, способный' образовались от причастий. Субстантивация прилагательных также объясняется тем, что при известных синтаксических условиях имя прилагательное утрачивает значение признака и приобретает предметное значение, например, финские имена существительные *köyhä* 'бедный, бедняк', *viisas* 'умный, умница', *tyhmä* 'глупый, глупец' по происхождению связаны с соответствующими именами прилагательными. Аналогично — влиянием синтаксических причин — объясняется и формирование категории наречия.

Однако было бы ошибочно думать, что переход в новую категорию обусловлен лишь синтаксической стороной и что другие языковые категории никакого значения не имеют.

* * *

Наблюдения над отдельными группами слов финского языка позволяют заключить, что переход слова в другую категорию происходит в силу ряда причин. Окказиональное употребление слова в новой для него синтаксической конструкции, которая затем может закрепиться за ним, и частое употребление одной падежной или глагольной формы в определенной позиции создают базу для перехода слова в другую часть речи. Изменению же морфологической природы слова и его переосмыслению способствуют другие языковые явления, на которых мы ниже и постараемся остановиться.

В финском языке синонимичные формы слова могут распасться на совершенно разные по лексическим и грамматическим качествам слова. Так, например, наличие у слова двух основ может привести к их грамматическому и лексическому переосмыслению. Таким путем в финском языке обычно обогащаются наречия. Приведем несколько примеров.

Финское *täysi* 'полный' имеет две основы: основу на гласный *täyte-*, *täyde-* и основу на согласный *täyt-*. Обе основы выступают

в парадигме склонения и в современном финском языке, основа на согласный представлена в единственном числе лишь в партитиве (*täyt|tä*). Однако в более ранние времена падежный показатель эссива также мог присоединиться к основе на согласный (*täytnä** > *täynnä*), в результате чего получилось две параллельные формы эссива: *täytenä* и *täynnä*. При благоприятных синтаксических условиях форма, образовавшаяся из основы на согласный, отделилась от парадигмы склонения и перешла в наречие.

То же самое можно сказать о наречии *huomenna* 'завтра'. Оно отделилось от парадигмы существительного *huomen* 'утро' в форме эссива от основы на согласный. Эссив с основой на гласный сохранил прежнее значение. Заметим, что слово *huomen* в значении 'утро' в современном финском языке находит применение лишь в высоком стиле, в словосочетании *hyvää huomenta* 'доброе утро' и в таких сложных словах, как *huomenkoi* 'утренняя заря'. Понятие „утро“ в современном литературном финском языке выражается словом *aamu*, которое появилось в языке уже после распада праприбалтийско-финской языковой общности.

Интересно отметить, что и в русском языке диалектное „наутро“ обозначает „завтра“.

Глагольные образования могли также дифференцироваться по смыслу в зависимости от наличия двух основ, причем новое значение приобретала обычно более краткая из них; например, *jouten* 'праздно, без дела', *tieten(kin)* 'конечно' ведут свое начало от инструктивной формы II инфинитива глаголов *joutaa* 'иметь время, досуг' и *tietää* 'знать', образовавшихся от основы на согласный. В современном финском языке встречаются словосочетания, в которых форма *tieten* по семантике еще связана с глаголом *tietää* 'знать': *minun tieten* 'с моего ведома', *tieten taiten* 'с умыслом'.

Значительную роль в переосмыслении слова играет семантическое разграничение форм единственного и множественного числа. Образование формы множественного числа у имен, обычно употребляющихся только в форме единственного числа, влечет за собой и новое значение. Слово *vesi* 'вода' в косвенных падежах множественного числа — *vesillä*, *vesiltä*, *vesille* и т. д. — обозначает водную поверхность: реку, озеро, море и т. п., *rauta* 'железо' — во множественном числе *raudat* — выражает понятие 'кандалы', например: *veljekset vesille läksi*, *miehet nuotalle menevät* 'братья на воды (на реку, на озеро) пошли, мужчины невод тянуть'; *hänen jaloissaan oli raudat* 'на его ногах были кандалы'.

Ряд слов, обычно не имеющих формы множественного числа, получив ее, теряют свое первичное значение и приобретают новое, например: *olo* 'нахождение, пребывание' и *olot* 'условия', *kalleus* 'дороговизна' и *kalleudet* 'драгоценности', *meno* 'ход, уход' и *menot* 'расходы', *kulku* 'прохождение' и *kulut* 'расходы', *pito* 'держание' и *pidot* 'банкет, пир'.

Некоторые слова при употреблении во множественном числе образуют новыми значениями, сохранив и старые, например: *väli* 'промежуток' и *välit* 'промежутки, отношения', *lahja* 'подарок' и *lahjat* 'подарки, дарование', *kutsu* 'приглашение, призыв' и *kutsut* 'приглашения, пир, званый обед'.

Множественное число обобщилось в данных случаях в силу заключенной в словах идеи собирательности.

Другая группа слов, у которой также в ряде случаев обобщилась форма множественного числа, отличается от предыдущей своими структурными особенностями. Это слова, отделившиеся от именной парадигмы в каком-либо из местных падежей, утратившие затем категорию падежа и числа и изменившиеся по значению. Такие слова выражают состояние предмета, например: *olla hereillä* 'быть в состоянии бодрствования', *olla kateissa* 'быть затерявшимся', *olla unohduksissa* 'быть забытым', *olla heitteillä* 'быть брошенным', *olla eksyksissä* 'быть заблудившимся', *olla paisuksissa* 'быть опухшим', *olla väsyksissä* 'быть усталым', *olla mietteissään, ajatuksissaan* 'находиться в состоянии раздумья', *olla huolissaan* 'быть озабоченным' и др.

У этих слов множественное число обобщилось по ряду причин. Оно может указывать на длительность пребывания в данном состоянии (*olla unohduksissa* 'быть забытым', *olla heitteillä* 'быть брошенным'), на полный охват данным состоянием (*olla paisuksissa* 'быть опухшим', *olla väsyksissä* 'быть усталым'), на множество однотипных понятий, вызывающих данное состояние (*olla mietteissään, olla ajatuksissaan* 'быть в раздумье', где *miete* 'дума' и *ajatus* 'мысль' в форме множественного числа буквально выражают 'быть в думах, быть в мыслях'). В целом форма множественного числа создает более высокую степень абстрагирования состояния.

Из грамматических категорий, присущих именам, категория притяжательной суффиксации также подверглась семантическим изменениям при переходе слов из одной части речи в другую. В составе слова с абстрактным понятием притяжательные суффиксы теряют свое конкретно-принадлежностное значение, обрастая другими функциями. В названиях состояния *olen huolissani, olet huolissasi, on huolissaan, olemme huolissamme, olette huolissanne* 'быть озабоченным' притяжательный суффикс указывает на состояние, свойственное кому-то: мне, тебе, ему, нам, вам — и вместе с формой множественного числа как бы погружает предмет в данное состояние полностью. Притяжательный суффикс, выступающий с наречиями причины и цели, указывает на действующего, например: *tein sen tahallani, teit sen tahallasi, teki sen tahallaan, teimme sen tahallamme, teitte sen tahallanne* 'я, ты, он, мы, вы сделал(и) это нарочно'. У наречий и служебных слов, выражающих пространственные понятия, притяжательные суффиксы утратили свое основное, посессивное значение и приобрели уточнительно-определятельное и указательное значения, например: *katsoa taakse-ni, -si, -een, -mme, -nne, -een(-nsa)* 'смотреть назад, на то, что остается позади меня, тебя, его, нас, вас, их'. Притяжательный суффикс выражает определенность в наречиях типа *tuoreeltaan, verekseltään* 'в свежем виде', повторность, например *uudelleen* 'заново'. Таким образом, получив новое значение, притяжательные суффиксы, в свою очередь, способствуют слову закрепиться в новом положении и становятся одним из признаков новой категории.

Нередко важную роль при переходе слова в другую часть речи играет и семантическая сторона.

Окказиональное употребление слова в несвойственной ему синтаксической функции, вызванное стремлением к аффектации, может также послужить причиной перехода слова из одной категории в другую. Действительно, продолжительное метафорическое употребление слова приводит к тому, что слово уже не отождествляется с его прежним значением, а принимается непосредственно в своем новом значении.

При стремлении к эффектному выражению подбирают прилагательное с соответствующим оттенком, но понемногу привыкают к такого рода преувеличенному выражению, и слово теряет свою стилистическую окраску, переходит в наречие: *ärettömän kaunis* 'безгранично красив', где *ärettömän* — генитивная¹ форма имени прилагательного *äretön* 'безграничный', *hirveän ruma* 'ужасно некрасивый', где *hirveän* — генитивная форма имени прилагательного *hirveä* 'ужасный'. Слова *ärettömän* и *hirveän* в этих словосочетаниях выражают меру и являются наречиями, развившимися из имен прилагательных.

Данный словообразовательный тип продуктивен в современном финском языке. Класс наречий пополняется таким путем особенно за счет имен прилагательных на *-ton(-ttoma-)*, например: *tavattoman kirkas, tärkeä* 'необычно яркий, важный', где *tavattoman* — генитивная форма прилагательного *tavaton* 'необычный', *muodottoman paljon* 'исключительно много', где *muodottoman* — генитив прилагательного *muodoton* 'бесформенный', *mielettömän hauskaa* 'безумно весело', где *mielettömän* — генитив прилагательного *mieleton* 'безумный', *suunnattoman suuri sato* 'исключительно богатый урожай', где *suunnattoman* — генитив прилагательного *suunnaton* 'огромный, колоссальный', *mitättömän vähän* букв. 'никчемно мало', где *mitättömän* — генитив прилагательного *mitätön* 'никчемный'. Отрицательные причастия на *-maton(-mätön)* могут, как и прилагательные, переходить в наречия, например: *sanomattoman kaunis* букв. 'несказанно красив', где *sanomattoman* — генитив отрицательного причастия *sanomaton* 'несказанный'.

Вторую по численности и продуктивности группу образуют обнаружившиеся прилагательные на *-inen(-ise-)* и причастия на *-va (-vä)*, например: *harvinaisen sateinen syksy* букв. 'редкостно дождливая осень', где *harvinaisen* — генитив прилагательного *harvinainen* 'редкостный', *kohtalaisen suuri* 'порядочно большой', где *kohtalaisen* — генитив прилагательного *kohtalainen* 'порядочный', *kummallisen pehmeä (luonne)* 'удивительно мягкий (характер)', где *kummallisen* — генитив прилагательного *kummallinen* 'удивительный', *häikäisevän loistava* 'ослепительно блистательный', где *häikäisevän* — генитив причастия *häikäisevä* 'ослепляющий', *inhottavan likainen* букв. 'отвратительно грязный', где *inhottavan* — генитив причастия *inhottava* 'отвратительный', *kiiltävän puhdas* 'блестяще чистый', где *kiiltävän* — генитив причастия *kiiltävä* 'блестящий', *ihmeteltävän suuri* 'удивительно большой', где *ihmeteltävän* — генитив пассивного причастия незаконченного действия *ihmeteltävä* букв. 'долженствующий вызвать удивление'.

Также и некоторые существительные перешли в наречия в результате метафорического употребления. Например: *ihmeen vilkas lapsi* 'удивительно (букв. 'чудо') резвый ребенок', где *ihmeen* — генитив существительного *ihme* 'чудо'.

Как видно из примеров, адвербиализованные каритивные прилагательные и причастия выражают степень и меру качества, а прилагательные на *-inen* и причастия на *-va(-vä)* больше указывают на признак

¹ Среди лингвистов нет единого мнения о происхождении наречий на *-l*. Одни считают их инструктивной формой (см.: Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. I. Изд. иностр. лит., М., 1953, стр. 90), другие — генитивной (см.: П. Аристов. Прим. 63 к книге Л. Хакулинен). Д. В. Бубрих также не относит их к инструктивным образованиям (см. его: Историческая морфология финского языка, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 15).

качества, что свидетельствует об их отходе от прилагательного в области семантики. Существенно они отличаются от имен прилагательных и по своим грамматическим особенностям: они не согласуются с определяемым словом, а примаыкают к нему.

С течением времени эмоциональная окраска у многих слов, употребленных некогда метафорически, потускнела, и они воспринимаются как наречия меры и степени качества, например: *ärettömän kaunis* 'исключительно красивый', *tavattoman kirkas* 'необычайно яркий', *kauhean vaikea* 'ужасно трудный' и др. Однако некоторые образования сохранили оценочный момент в качественной характеристике прилагательного, например: *inhottavan likainen* 'отвратительно грязный', *kiiltävän puhdas* 'до блеска чистый'.

Из семантических изменений, которым подвергаются слова при переходе их из одних частей речи в другие, отметим еще перемещение значения по линии место—время. Такая семантическая эволюция наблюдается и в других прибалтийско-финских языках, особенно в области наречий, послелогов, предлогов и других служебных слов. Эта общая для прибалтийско-финских языков закономерность проявляется даже в случаях, когда слова, выражающие адекватные понятия, не имеют общих корней. Так, наречие 'снова, опять' выражается в финском языке словами *taas*, *jälleen*, в карельском языке (ливвиковский диалект) — *myöz*, в эстонском — *jälle*, *jällegi*, *taas*. Этимологически эти слова, выражающие время, восходят к пространственным понятиям. Карельское *myöz* имеет смысловую связь с отыменными глаголами *myöstie*, *myöstättie* 'подать назад', производными от слова **myö* 'спина'.¹ Форма *myöz* представляет собой, вероятно, усеченную транслативную форму (*myöz* < *myös* << **myökse*) от имени **myö*, которое утратило свое первоначальное конкретное значение существительного и перешло в наречие. Финское *taas* по своему происхождению связано с основой *taka-*, которая в сложных словах типа *takaperin* 'задом', *takapajuinen* 'отсталый' и наречиях *takana* 'позади', *taakse* 'назад' выражает место. В наречии *taas* были когда-то совмещены значения места и времени, но впоследствии местное значение было утрачено.

Параллельное развитие значений наблюдается и в русском языке. Наречие „опять“, как нам кажется, по своему происхождению связано со словами, выражающими место. В. Даль в „Толковом словаре живого великорусского языка“ приводит глаголы „опячивать, опятить“ и указывает, что они обозначают „пятить, подать назад“, существительное — „опяченье“. По Далю, слово „опять“ соответствует наречию „снова, еще... назад“: „Луканька, поиграй, да опять (да назад) отдай!“ Наречие „обратно“ в некоторых русских говорах (например, в орловском) употребляется в смысле „опять“ („обратно пошел дождь“), что также свидетельствует о замене местного значения временным.

Финское *jälleen* 'снова' и эстонское *jälle* в том же значении можно этимологизировать со словом *jälki* (*jälje-*) 'след'. Форма *jälle* употреблялась в финском языке еще в XIX в. Леннрот в словаре „*Finskt-Svenskt lexikon*“ приводит оба слова, указывая, что форма *jällen* диалектная. В словаре приводятся следующие значения: 1) *jälle* (dial. *jällen*) adv. *äter*, *anno*, *äyerigen* (*taas*) 'основа'; *sataa jälleen*, *det reg-*

¹ Л. Хакулинен указывает, что **myö-selkä* — 'спина'. (Структура и развитие финского языка, ч. I. М., 1953, стр. 93).

nar åter 'снова идет дождь'; 2) *tilibaka, igen (takaisin)* 'назад, обратно'; *Tulkaat jälle te, ihmisten lapset* (Ps. 90 : 3) 'Вернитесь назад вы, дети народа'.

Ленрот фиксирует и слово *jälleen*,¹ объясняя, что оно имеет те же значения, что и слово *jälle*.

История наречия *jälleen* 'снова' также говорит в пользу предположения о смещении местного значения временным.

Переосмысление предлогов и послелогов финского и карельского языков, образовавшихся от имен, выражавших место, шло по линии перехода местного значения во временное.²

Несколько иного рода смысловое перевоплощение произошло у прилагательного *paras*, перешедшего в форме адессива множественного числа *parhailaan* в наречие времени 'сейчас, в настоящее время'. Современное значение финского *paras* 'лучший' не раскрывает причинной стороны сдвига, но в родственных языках (эстонском и карельском) сохранилось прежнее значение слова 'подходящий', которое и легло в основу семантического изменения. *Parhailaan* могло образоваться из словосочетания *parhaila ajoin*, где компонент *ajoin*, попав в неудачное положение, мог слиться с первым компонентом и сократиться в едином потоке речи. Следовательно, слово *paras* — в своем первичном значении 'подходящий, точный' — лексикализировалось в адессиве множественного числа, приобретя временное значение.

Аналогичное явление наблюдается и в других языках, как например в английском и шведском, в которых в одном слове совмещены значения 'подходящий, точный' и 'только что': *this dress is just for you* 'это платье Вам как раз' и *he has just come* 'он только что пришел' (англ.); шведское *just* значит 'правильный, точный', 'именно, как раз', а в словосочетании *just nyss* 'сейчас, только что' выражает идею времени. Заимствованное из шведского в разговорный финский язык *justiin* включает в себя оба вышеуказанные значения: *justiin = juuri, ihan* 'точно, только что'. Например: *olen justiin samaa mieltä* 'я точно такого же мнения', *tulen justiin sieltä* 'иду только что оттуда'.

На основании всего изложенного можно заключить, что фонетические, морфологические и семасиологические явления нередко способствуют слову закрепиться в новой грамматической категории и в новом значении.

¹ М. Айрила указывает, что *jälleen* < *jäljelleen*. (См.: *Johdatusta kielen teoriaan*, I. Porvoo, 1940, стр. 75).

² Такие послелоги, как (*viiden*) *tienoissa, paikkeilla, nurkilla, maissa, korvilla (illan) suussa*, указывающие на время, легко могут быть возведены к именам, указывающим на место, или к названиям частей тела: *tieno* 'местность', *paikka* 'место', *nurkka* 'угол', *maa* 'земля', *suu* 'рот', *korva* 'ухо'.